
ЛИВАНСКИЙ КРИЗИС: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

Е.М. Савичева

Кафедра теории и истории международных отношений

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу ливанского кризиса, его причин, основных этапов, специфики, влияния на Ливан, а также на регион в целом. Особое внимание уделяется современному положению в стране в контексте ближневосточной ситуации.

Небольшое арабское государство — Ливан вот уже на протяжении почти трех с половиной десятилетий (с редкими перерывами) живет в обстановке глубокого внутреннего раскола, который самым пагубным образом отражается на различных сторонах жизни не только ливанского общества, а пожалуй, и всего ближневосточного региона. Кроме того, в течение примерно половины этого срока в стране полыхала гражданская война.

Ливанский кризис, чьи масштабы давно перешагнули узкие государственные рамки, несет ряд специфических черт. В их числе — структурная многоплановость, вовлеченность в события различных по политической и социальной ориентации сил как сугубо ливанских, так и действующих на региональном и международном уровнях. На ливанской почве длительное время возникали, переплетались и неизбежно при этом сталкивались интересы таких, казалось бы, несовместимых сторон, как Сирия и Израиль, Ирак и Иран, США и Франция, ООП и нефтяные арабские монархии. Таким образом, внешние аспекты конфликта как бы наложались на внутренние его корни, придав ситуации в стране, которую следует рассматривать не иначе как в контексте положения на Ближнем Востоке в целом, крайнюю запутанность и драматизм.

Важнейшими внутренними причинами ливанского кризиса стали острейшие социальные противоречия, разобщенность общества по конфессиональному признаку, переходящая в религиозно-общинную вражду, политическое противостояние ливанских националистических и правохристианских сил. Поскольку Ливан является, пожалуй, единственным в мире государством, в котором исключительное значение имеют традиционно сложившиеся отношения между религиозными общинами, и власть базируется на принципах конфессионализма, имеет смысл более подробно остановиться на этой изначальной парадигме развития ливанской государственности — причем такой, что со временем сия особенность превратилась для самого Ливана в своеобразную «мину замедленного действия».

В соответствии с Национальным пактом 1943 г., достигнутым сразу же после провозглашения независимости Ливана и являвшимся формой компромисса между мусульманской и христианской общинами, в основу государственного устройства здесь был положен принцип конфессионализма, т.е. религиозно-общин-

ный принцип. Именно на этой основе предусматривалось кадровое наполнение государственного аппарата и офицерского корпуса, расходование бюджета и т.д. В частности, депутатские места в парламенте распределялись в фиксированном соотношении 6 : 5 между христианами (среди которых были марониты, православные, католики, протестанты, последователи армяно-григорианской и униатской церквей) и мусульманами (суннитами, шиитами, друзами). При этом четко оговаривалась численность депутатов от отдельных религиозных общин (а всего их в Ливане 16). Три главных поста распределялись следующим образом. Во-первых, только маронит мог стать президентом Республики, обладавшим, согласно Конституции, исключительными полномочиями. Во-вторых, пост премьер-министра отдавался мусульманам-суннитам. Наконец, место председателя парламента закрепили за собой шииты.

Помимо этого, конфессионализм проник буквально во все сферы социально-экономической, политической и культурной жизни ливанского общества, оказывая на нее негативное разобщающее воздействие. Общинно-религиозная чересполосица стала одним из сложнейших внутривнутриполитических факторов в Ливане, особенно с учетом того факта, что многие общины обзавелись сначала политическими организациями, а затем и вооруженными формированиями.

Национальный пакт закреплял неравноправное положение ливанских общин, отдавая преимущество представителям христианских конфессий, главным образом маронитам, в политической, финансово-экономической и некоторых других сферах. Они же заняли командные посты в армии и службе безопасности. На определенных этапах развития ливанского общества религиозно-общинный компромисс служил сдерживающим фактором, в некотором смысле гарантом мира, однако узаконивание конфессиональной системы вело со временем к усугублению политической, социально-экономической и культурной обособленности общин. Каждая из них, пребывая в относительной замкнутости, в состоянии постоянного соперничества с соседями, стремилась к упрочению положения и сохранению своих религиозных и культурных традиций, что неизбежно порождало культурно-этнические различия у ливанцев, принадлежащих к разным конфессиям, препятствовало процессу национальной интеграции. Среди ливанцев даже получила хождение горькая шутка: дескать, у всех людей пять чувств, а у ливанцев — шесть, и это шестое чувство, самое сильное — и есть — «таифийя» (что по-арабски означает — межконфессиональная разрозненность) [4. С. 75]. Все общины имели и различную внешнеполитическую ориентацию. Например, ливанская христианская верхушка традиционно была связана с Западом, прежде всего с Францией и Ватиканом; шииты, естественно, ориентировались на шиитские государства — Иран и др. Эти вместе взятые факторы создавали серьезные предпосылки для противоборства и конфронтации в местном обществе, при которых само существование Ливана как единого и независимого государства неизбежно могло оказаться под угрозой.

Быстрый рост мусульманской части населения страны вследствие притока палестинцев, а также за счет более высокого уровня рождаемости в мусуль-

манских семьях (накануне принятия Национального пакта 1943 г. мусульмане составляли 48,8% населения страны, в 1975 г., в год начала гражданской войны, — 62,5%, а на момент ее окончания — около 64%), наряду с ее политической активизацией предопределили превращение конфессиональной системы в перманентный источник напряженности и междоусобных конфликтов.

Важное место в ливанских событиях постепенно заняла палестинская проблема. Тысячи беженцев-палестинцев нашли приют на ливанской земле, а после иорданских событий 1970 г. Ливан стал основным опорным пунктом Палестинского движения сопротивления (ПДС). Юридической основой военной и политической деятельности ООП в Ливане стало Каирское соглашение, заключенное в 1969 г. между ливанским правительством и Организацией освобождения Палестины (ООП) при посредничестве египетского президента Г.А. Насера. Почти за три десятка лет, прошедших с первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. до начала гражданской войны в Ливане, число палестинцев в стране возросло с 110 тысяч до 400 тысяч. Здесь, в отличие от других арабских стран, в силу ряда обстоятельств «палестинский фактор» оказался тесно увязан с внутривнутриполитической обстановкой, на которую неурегулированность ближневосточного конфликта влияла самым отрицательным образом и по другим каналам.

Отношение к палестинскому присутствию в Ливане было неоднозначным. Усиление напряженности вокруг палестинской проблемы совпало с обострением социального кризиса, охватившего в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия различные районы страны, что вызвало резкую поляризацию ливанского общества. Национально-прогрессивные силы Ливана» (НПС), в состав которых вошли Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП, создана в 1949 г. видным общественно-политическим деятелем, лидером дружеской общины К. Джумблатом), Ливанская компартия, другие левые организации, а также ряд мусульманских группировок, выступали в поддержку палестинцев. Немаловажным фактором стало то, что между НПС и палестинцами были установлены близкие контакты, в том числе и в военной области.

Диаметрально противоположного мнения по данному вопросу придерживались правохристианский блок: партии «Катаиб» («Фаланги»), «Национальный блок», Национально-либеральная партия К. Шамуна и др. Опасаясь каких-либо изменений в сложившемся балансе сил в обществе, лидеры этого блока заняли антипалестинскую позицию. Они стремились взвалить всю тяжесть вины за сползание страны в глубокий кризис исключительно на палестинское присутствие, игнорируя при этом другие веские причины напряженности в стране. Они надеялись добиться отхода Ливана от тогдашней общеарабской (антиизраильской) позиции и вывести его за рамки ближневосточного кризиса.

Ситуацию усугубляла агрессивность Израиля против Ливана, который с 1968 г. стал объектом его постоянных провокаций и вооруженных нападений. Особенно страдал ливанский юг. Вторжения туда израильских войск оборачивались многочисленными жертвами среди мирного населения. Вместе с тем правые силы Ливана выступали с оправданием агрессивных акций Тель-Авива, называя их «ответными мерами» на деятельность Палестинского сопротивления.

Прелюдией к гражданской войне в Ливане стали неоднократные вооруженные столкновения между правохристианскими силами во главе с партией «Катаиб», располагавшей хорошо обученной милицией, происходившие порою при поддержке ливанской армии (в нарушение Каирского соглашения 1969 г.) — и палестинскими отрядами, поддерживаемыми НПС. В начале 1974 г. израильская авиация стала все чаще предпринимать воздушные рейды вглубь территории Ливана, стремясь нанести сокрушительный удар по ПДС и спровоцировать конфликт между ливанцами и палестинцами. Одновременно оказываемый извне Израилем нажим подводил к критическому обострению ситуации. К весне 1975 г. в Ливане создалась взрывоопасная обстановка: одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуло пламя гражданской войны. Этой искрой явились события 13 апреля 1975 г., когда в пригороде Бейрута фалангисты совершили нападение на автобус, в котором находились палестинцы и ливанцы. Тогда было убито 27 человек — это и стало началом широкомасштабного вооруженного конфликта в Ливане, переросшего в многолетнюю гражданскую войну.

Ливан оказался расколот на два лагеря по конфессиональному признаку. «Катаиб» и ее союзники контролировали христианские районы, блок НПС — в основном мусульманские, включая столицу Бейрут. В НПС вошли Прогрессивно-социалистическая партия, Компартия Ливана и примыкавшая к ней левая Организация коммунистического действия, а также просирийская и проиракская организации партии Баас, «Движение независимых насеристов» («Мурабитун») и др.

Большая роль в создании и руководстве НПС принадлежала дружескому лидеру К. Джумблату. Ливанские НПС выступили в тесном союзе с ПДС, отряды которого с самого начала были вовлечены в вооруженный конфликт. Им противостояла коалиция правых сил — уже упомянутая партия «Катаиб» во главе с П. Жмайлем, Национально-либеральная партия К. Шамуна, экстремистский «Фронт защитников кедра» и др. Эта коалиция выступила с антиливанскими и антиарабскими требованиями, ратовала за сохранение существующего статус-кво в стране, и в том числе всех привилегий христианской общины, за разгром левых демократических сил, вытеснение ПДС с территории Ливана, «нейтрализацию» Ливана в арабо-израильском конфликте, разрыв связей Ливана с тогдашними левыми арабскими режимами, и прежде всего с Сирией. Этот лагерь пользовался поддержкой США и Израиля.

В августе 1975 г. блоком НПС была выдвинута программа «За демократическую реформу политического режима» [3], отражавшая их видение пути выхода Ливана из затянувшегося кризиса. Вот ее основные положения: проведение радикальных реформ, совершенствование политической и государственной системы Ливана; демократические изменения в Конституции; упразднение системы конфессионализма; «упорядочение» ливано-палестинских отношений; решение неотложных социально-экономических проблем; противодействие засилью иностранного капитала и попыткам внешнего вмешательства во внутренние дела Ливана. В этом документе впервые выдвигалось требование ликвидации конфессиональной системы, само существование которой предопределило «перевод» политического размежевания в стране в религиозно-общинное русло.

Ряд ливанских деятелей предлагал, учитывая демографические процессы (т.е. изменения в численном соотношении между различными религиозными общинами, произошедшие с 1943 г.), обойтись лишь пересмотром пропорций представительства в органах власти. Мусульмане, по численности обогнав христианское население, стремились обеспечить себе соответствующее представительство в центральных органах власти, ратовали за увеличение роли и веса правительства и премьера в жизни страны. Марониты же делали все, чтобы сохранить преференции в политической и других сферах.

Программа левых сил была отвергнута христианским руководством и не получила поддержки традиционных мусульманских лидеров. Новая вспышка боевых действий произошла в конце лета 1975 г. Масштабы конфликта расширялись, охватывая все новые населенные пункты. Вскоре бои из загородных районов перекинулись на Бейрут. Столица оказалась разделенной на две части, контролируемые противоборствующими сторонами, — восточную (христианскую) и западную (преимущественно мусульманскую). Здесь начались ожесточенные бои. В начале 1976 г. правохристианские силы развернули широкое наступление на мусульманские кварталы и лагеря палестинских беженцев, подвергнув их многомесячной осаде. Ситуация осложнялась тем, что в конфликт втянулась армия. В ней, как и вообще в ливанском обществе, произошло размежевание по конфессиональному принципу: она распалась на мусульманскую и христианскую части, и лишь отдельные воинские подразделения держали нейтральную позицию.

Весной 1976 г. военная инициатива перешла в руки НПС, которые, опираясь на определенную массовую поддержку, сумели достичь значительных успехов: к июню 1976 г. под их контролем находилось 82% территории страны, где проживало 75% ее населения.

За событиями в Ливане пристально следила соседняя Сирия, придерживавшаяся концепции «особых отношений» с Ливаном. С начала войны она неоднократно предлагала свои «добрые услуги» для урегулирования конфликта, направляя в Бейрут посреднические миссии — правда, они заканчивались безрезультатно из-за непримиримости противоборствующих сторон.

Сирия прямо вмешалась в ливанский конфликт под предлогом оказания помощи в прекращении гражданской войны 1 июня 1976 г., когда перевес сил уже явно был на стороне НПС. В тех условиях ввод сирийских войск сильно осложнил обстановку, привел к их конфронтации с ПДС-НПС. Тесня их, сирийская армия постепенно оккупировала долину Бекаа в центре страны, окрестности Триполи на севере и Сайды на юге. Такое развитие событий усилило активность правохристианских сил, также нанеших по отрядам «прогрессистов» новые чувствительные удары. В частности, ПСП тогда осудила вмешательство Сирии, прервавшее, по мнению этой партии, процесс урегулирования кризиса силами самих ливанцев на основе поэтапного осуществления намеченных реформ [2. С. 63—65, 215—222].

Спустя некоторое время присутствие в Ливане сирийского воинского контингента (35 тыс. чел.) было узаконено решением Лиги арабских стран (октябрь 1976 г.): по нему, сирийцы составили основу направляемых сюда «Межарабских

сил безопасности» (МСБ). Помимо Сирии, в МСБ вошли (чисто символически) подразделения из Саудовской Аравии, Южного и Северного Йемена, ОАЭ, Судана и Ливии. К ноябрю военные действия прекратились.

Итогом первых полутора лет войны в Ливане стали значительные человеческие потери, огромный материальный урон, нависшая над страной угроза раскола по религиозно-общинному признаку. Между тем причины, приведшие к вооруженному конфликту, так и не были устранены. Существенно ослабленным оказался блок НПС и ПДС, хотя в 1977 г. сотрудничество этих сил с Дамаском формально восстановилось. Очередной сильный удар по Национально-патриотическим силам был нанесен 16 марта 1977 г., когда по пути из своей резиденции в Горном Ливане был убит признанный лидер блока, председатель Прогрессивно-социалистической партии К. Джумблат.

Стабилизации обстановки и далее мешали действия Израиля, продолжавшего регулярно наносить удары по позициям ПДС и лагерям беженцев на ливанском Юге. Этот сектор, по выражению одного из премьер-министров страны, превратился в «кровоточащую рану на теле Ливана».

В начале 1977 г. зону вдоль границы Ливана с Израилем взяли под свой контроль вооруженные формирования Саада Хаддада, бывшего майора ливанской армии. Заручившись поддержкой Израиля, он выступил с сепаратистской идеей создания здесь «государства Свободный Ливан». Все попытки ливанского правительства восстановить власть на юге страны оказались безрезультатными.

Конфликт не затухал. Военные действия вспыхивали то в одном, то в другом уголке маленькой истерзанной страны. Причем состав конфронтантов постоянно менялся. Казалось, здесь успели повоевать все против всех. Попытки властей инициировать возвращение к национальному согласию потерпели неудачу. Так, в феврале-октябре 1978 г. шли бои между правохристианскими силами и входившими в «Межарабские силы сдерживания» (МСС — так стали называться «Межарабские силы безопасности») сирийскими частями. Эта конфронтация возобновлялась и в дальнейшем (в частности, в начале 1981 г. и позднее). Примерно тогда же происходило вооруженное «выяснение отношений» в правохристианском стане — партия «Катаиб» закрепляла свою гегемонию. Под влиянием иранской «исламской революции» в Ливане наблюдался еще и подъем шиитского движения, выразившийся в появлении и взаимной конкуренции двух организаций — полусветской «Амаль» и радикально-фундаменталистской «Хизбаллы». Имели место многочисленные столкновения между палестинцами и шиитами, шиитами и левыми и т.д. В рядах левых сил обозначились серьезные разногласия.

Пламя гражданской войны то затухало, то вспыхивало с новой силой. 4 июня 1982 г. Израиль приступил к широкомасштабной армейской операции на ливанской территории под кодовым названием «Мир для Галилеи», стремясь выполнить триединую задачу: ликвидировать ПДС в Ливане военным путем, оказать давление на ливанские власти в вопросе ближневосточного урегулирования, нанести поражение остававшимся здесь же сирийским войскам. Акция получила осуждение мирового сообщества. Однако позиция Вашингтона воспрепятствовала эффективному использованию механизма ООН для прекращения агрессии. Из-

раильское вторжение не вызвало должного противодействия и со стороны арабских режимов, не сумевших оказать Ливану никакой реальной поддержки.

78 дней продолжалась оборона Западного Бейрута; здесь в боевом союзе против регулярной израильской армии сражались легковоруженные боевики — палестинцы и ливанцы-«прогрессисты». Сирийская армия, получив от израильтян на ранней стадии операции ряд мощных ударов на земле и с воздуха, после этого проявляла пассивность. В конечном итоге палестинские подразделения вместе с лидером Я. Арафатом вынуждены были покинуть Бейрут, а штаб-квартира ООП была переведена отсюда в Тунис.

В августе 1982 г. в Ливан были введены «многонациональные силы» (в основном силы США, резко активизировавшиеся на Ближнем Востоке со второй половины 70-х гг., и их союзники по НАТО), которые оставались здесь до марта 1984 г.

Произошедшие военные события нанесли огромный ущерб Ливану, еще более углубили его внутренний кризис, резко изменили соотношение сил внутри страны в пользу правохристианского блока. 23 августа 1982 г. с трудом собранный парламент проголосовал за избрание президентом страны (вместо Э. Саркиса) сына основателя партии «Катаиб» и ее «полевого командира» Башира Жмайеля — но тот почти сразу был убит, и 23 сентября парламент утвердил на высшем посту уже его старшего брата — Амина Жмайеля. Впервые в истории Ливана высшая власть оказалась в руках одного из руководителей фалангистской партии (когда-то созданной по образу и подобию организации франкистов в довоенной Испании). И в те же дни фалангисты устроили кровавую бойню в двух бейрутских лагерях палестинцев — Сабра и Шатила. Деятели той же партии заняли затем ключевые силовые посты: главнокомандующего, руководителя службы безопасности Ливана и др. Однако поставленных целей Израилю достичь не удалось. ПДС не прекратило существования и, хотя силы его были существенно подорваны, вместе с Сирией сохранило свое военное присутствие в Ливане.

17 мая 1983 г. Израиль и США навязали Ливану так называемое «соглашение о мире» — кабальный договор, ущемляющий суверенитет страны. Это соглашение оказалась мертворожденным и 5 марта 1984 г. было ликвидировано ливанским правительством.

Ситуация в стране по-прежнему оставалась напряженной в связи с продолжавшимися «ливано-ливанскими» столкновениями и присутствием армии Израиля. Однако в сентябре 1983 г. она оставила стратегически важный горный район Шуф, который ранее традиционно контролировался НПС. С этого момента участие в конфликте на стороне правительственных войск и правохристианских отрядов стали принимать морская пехота и корабли 6-го флота США.

К июню 1985 г. израильские войска покинули и большую часть Южного Ливана, оставшись в «зоне безопасности» вдоль границы, где ситуацией владел генерал Антуан Лахад, возглавивший после смерти С.Хаддада в 1984 г. так называемую «южноливанскую армию». В стране наблюдалось усиление центробежных тенденций, начался процесс образования конфессиональных кантонов — политически и экономически обособленных районов. Возник христианский кантон,

обособились друзские и шиитские зоны — и тем самым создалась реальная угроза существованию Ливана как единого государства.

С конца 80-х гг. ряд арабских стран возобновил посреднические усилия по разрешению ливанского конфликта. В мае 1989 г. под эгидой ЛАГ был сформирован Комитет по Ливану в составе королей Саудовской Аравии, Марокко и президента Алжира, имея целью достижение национального примирения в многострадальном Ливане. По их инициативе в саудовском городе Эт-Таифе была организована конференция ливанских парламентариев в присутствии 62 из имевшихся 73 (последние на тот момент парламентские выборы в Ливане состоялись в 1972 г., и с тех пор мандат депутатов неоднократно продлевался). Там же в ноябре 1989 г. они подписали «Хартию национального согласия». Ее основные положения можно свести к следующему: во-первых, модернизация конфессиональной системы, которая усугубляет неравноправие общин и диспропорциональное развитие районов Ливана, мешает национальной консолидации; во-вторых, разоружение военизированных отрядов ради обеспечения безопасности в стране; в-третьих, решение проблемы сирийского присутствия. «Хартия» примерно обозначала временные рамки вывода сирийского контингента (сначала из Бейрута, а затем и из других районов страны) при складывании благоприятных условий, когда дальнейшее пребывание сирийцев здесь утрачивало бы всякую целесообразность.

В мае 1991 г. Сирия, придерживаясь концепции «особых отношений» со своим соседом (в основе которых, по официально принятой в Дамаске формулировке, лежит «общность судеб двух братских народов») подписала с Ливаном «Договор о дружбе, сотрудничестве и координации». Соглашение в Эт-Таифе по многим позициям было близко к «трехстороннему соглашению», которое заключили в Дамаске еще в 1985 г. лидеры трех на тот момент основных соперничающих ливанских сторон — ПСП, «Амаль» и «Ливанских сил» (правохристиан). Оно имело целью прекращение гражданской войны и проведение радикальных реформ в стране. Однако тогда его выполнение было заблокировано правохристианскими силами, из-за чего оказался упущен очередной реальный шанс покончить с вооруженным конфликтом в Ливане.

Договор в Эт-Таифе положил конец тринадцатилетней гражданской войне, в результате которой Ливан, некогда процветающее арабское государство, часто называемое «ближневосточной Швейцарией», оказался в руинах. Будучи по сути сложной совокупностью компромиссов, этот договор получил одобрение практически всех ливанских общин. Но тут против него выступил командующий прохристианской армейской группировкой «мятежный» генерал М. Аун — ярый противник сирийского присутствия, который получал финансовую и военную помощь из Багдада, непримиримого соперника дамасского руководства. Аун попытался распространить свое лидерство на всю христианскую общину. В январе 1990 г. произошли ожесточенные столкновения верной ему двадцатитысячной армейской группировки с «Ливанскими силами», признавшими соглашение в Эт-Таифе. Их результат — гибель более 1200 человек. Очередной раскол произошел

и среди мусульман: параллельно шли бои между «Амаль» и проиранской партией «Хизбалла» за лидерство в шиитской общине.

В ливанской ситуации все отчетливее прослеживалось влияние внешних сил. Региональные противоречия привносились на ливанскую почву, точнее внутри-общинную, и получали там свое дальнейшее развитие. На позицию различных политических и религиозно-общинных сил оказывало прямое воздействие положение дел в арабском мире, характер отношений между различными арабскими странами, наличие и глубина межарабских противоречий.

В октябре 1990 г. ливанские правительственные войска при поддержке сирийских частей положили конец «мятежу М. Ауна». Он перестал получать иракскую помощь в связи с событиями в Персидском заливе и капитулировал: сначала попросил политического убежища и укрылся во французском посольстве, затем бежал во Францию. Так завершился еще один этап ливанского кризиса.

На последующей стадии развития в Ливане установился зыбкий консенсус в виде периодически нарушаемого баланса сил, уязвимого перед неосторожными действиями или авантюризмом любой из вовлеченных сторон. Поиск формулы национального согласия в такой стране, как Ливан, неизбежно сопряжен с ломкой традиционной системы, с осуществлением радикальных реформ, упразднением привилегий для одних и устранением ущемленности других, а это долгий и мучительный процесс. Неудивительно, что и в последующем решить задачу внутривнутриполитической стабильности не удалось. Конфессиональная система государственного устройства была частично демонтирована поправками к Конституции (1991 г.) и к избирательному закону (1992 г.), но в усеченном виде продолжала существовать. К тому же жизнь многократно подтвердила тезис о том, что развязка ливанского кризиса во многом зависит от эффективности решения других региональных проблем, и, прежде всего, ближневосточной.

Каких же промежуточных итогов достиг Ливан к концу первого десятилетия XXI века?

Самый заметный политический водораздел в настоящее время пролегал по признаку: за или против Сирии. И это при том, что Дамаск уже утратил зримые рычаги влияния на Ливан: после убийства 14 февраля 2005 г. главного «тяжеловеса» в антисирийском лагере — крупного бизнесмена и политика Р. Харири с 30-летним сирийским военным присутствием вскоре было полностью покончено. На юге страны по-прежнему дислоцируются контингенты международных сил ООН, но их миссия является не миротворческой, а всего лишь наблюдательной.

Объявленное в связи с гибелью Р. Харири международное расследование по линии ООН долго изучало «сирийскую версию» покушения, но так и не заявило о получении на этот счет неопровержимых доказательств. Тем временем серия политических убийств в Ливане продолжалась.

Многоступенчатые парламентские выборы в июне 2005 г. лишь усилили поляризацию общества; притом под совместным влиянием разобщающих ливанский социум конфессионального и «сирийского» факторов здесь порой наблюдались удивительные пертурбации. Так, вернувшийся в Ливан после 15-летнего изгнания

ния М. Аун обернулся вдруг сторонником Дамаска, борцом с пережитками конфессионализма, коррупцией, и его полагали реальным претендентом на президентский пост.

По сути в одном блоке с ним выступает многократно усилившаяся за последние годы шиитская «Хизбалла», чья «мини-армия» довольно эффективно противостояла израильским войскам, в очередной раз вторгшимся в Ливан в середине лета 2006 г. Основная задача израильтян — раздавить «Хизбаллу» — решена тогда не была, и теперь эта военно-политическая организация уже серьезно претендует на власть в завтрашнем Ливане. По эту же, условно говоря, «сирийскую» сторону ливанских баррикад находился и президент страны Э. Лахуд, завершивший мандат (который не был передан никому), и долголетний шиитский спикер Н. Берри.

По другую — антисирийскую сторону баррикад самой заметной фигурой считается унаследовавший дело погибшего отца суннитский политик Саад Харири, с которым сегодня солидарна и дружеская ПСП во главе с Валидом Джумблатом, также сыном другого знаменитого ливанского политика — опять-таки павшего от рук ненайденных убийц (и тоже якобы сирийских, как убеждены многие). К этой когорте примыкает и задержавшееся у власти «антисирийское» правительство во главе с Ф. Синьорой. Степень антагонизма последнего с президентом Э. Лахудом была такова, что, например, на мероприятия ЛАГ они, как правило, выезжали разными делегациями, отстаивали там противоположные позиции, тем самым заводя очередное обсуждение ливанской темы в тупик. Интересно, что при всем обилии разногласий никакая из политических сил Ливана на данном этапе не высказывается за примирение с Израилем, и различия в этом вопросе заметны только по степени враждебного отношения к нему.

Наряду с этим здесь присутствует и «внесистемный» потенциал, находящийся, возможно, за рамками сирийской темы «про» и «контра». Здесь можно вспомнить о боевой операции ливанской армии против исламистов, державших оборону в палестинских лагерях между североливанским городом Триполи и сирийской границей в течение всего лета 2007 г. При всех перечисленных обстоятельствах никакие примиренческие инициативы по Ливану (предлагаемые арабскими или западными посредниками) пока не проходят. В принципе ситуация в этой стране способна обостриться в любой день и час — и в таком состоянии Ливан живет много лет. Очевидная поддержка из вне противоборствующих сторон свидетельствует о том, что Ливан по-прежнему остается ареной столкновения и взаимодействия сил, выходящих далеко за пределы его национальной территории. Таким образом, окончательное урегулирование ливанского кризиса — это самый сложный процесс, зависящий как от множества внешнеполитических факторов, так и от достижения национального согласия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аль-Хасс С.* Мы и конфессионализм. — Бейрут, 2003 (на араб. яз.).
- [2] *Джумблат К.* Война за урегулирование. — Бейрут, 1987 (на араб. яз.).

- [3] Поэтапная программа Национально-прогрессивных сил Ливана. — Бейрут, 1975 (на араб. яз.).
- [4] *Фарадж А.* Мечтатель и реалист (о К. Джумблате). — Бейрут, 1987 (на араб. яз.).
- [5] *Хамадан К.* Ливанский кризис. — Бейрут, 1998 (на араб. яз.).
- [6] *Шахин Ф.* Конфессионализм в Ливане. Исторические и социальные корни. — Бейрут, 1989 (на араб. яз.).

THE LEBANESE CRISIS: CIVIL WAR AND UNRELIABLE PEACE

E.M. Savicheva

Theory and History of International relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the Lebanese crisis, its principle causes and stages, specific character and influence on the country and the region as well. A special consideration is given to the present situation in Lebanon in the context of the Middle East situation.